

Юй Чэнсун делал вид, что решает задачи в телефоне, краем глаза следя за дверью спальни.

Юй Чэнди успел доесть, а дверь так и не открылась.

Ясно. Ждёт, пока он уйдёт, чтобы продолжить истязания.

Младший брат бросил на него взгляд и двинулся к выходу.

Юй Чэнсун последовал за ним, подставил руку, когда тот попытался закрыть дверь.

— Чего тебе? — Юй Чэнди задрал голову, сверкая глазами.

— Собирай портфель. Не забудь домашку, — Юй Чэнсун не отрывался от телефона.

— Зачем собирать? — продолжал сверлить его взглядом Юй Чэнди. Миндалевидные глаза — точная копия братовых, но без их остроты, по-детски сердитые.

— Обратный отсчёт. — Юй Чэнсун поднял два пальца. — Тридцать, двадцать девять, двадцать восемь, двадцать два, восемнадцать, десять, шесть...

На "двадцать девять" Юй Чэнди подскочил как ужаленный и метнулся к столу, принялся

запихивать вещи в портфель. Когда вредный старший брат, перескакивая через числа, дошёл до нуля, он едва успел встать у двери, тяжело дыша.

Не от усталости — от спешки.

Юй Чэнсун с детства так делал: начинал считать — и если к концу отсчёта не успеешь, гарантированно будет издеваться целый месяц.

У Юй Чэнди выработался рефлекс — стоило брату начать считать, тело само срывалось с места.

— Пошли, — Юй Чэнсун убрал телефон.

— Куда? — Юй Чэнди поправил лямки. Коротышка, да ещё и прихрамывает — как ни торопился, не поспевал за широким шагом брата.

Юй Чэнсун промолчал, забрал из комнаты наушники и вышел.

— Залезай, — лениво бросил он, оседлав велосипед.

Юй Чэнди забрался на заднее сиденье, из гордости не стал держаться за брата. Тот резко крутанул педали — велосипед рванул с места, и младший в ужасе вцепился в его талию.

Всю дорогу под свист ветра звенел издевательский смех брата.

У дома Чжоу Чжэюя уши и шея Юй Чэнди пылали от стыда.

Юй Чэнсун подвёл брата к двери. Открыла тётушка Чжоу, расплылась в улыбке:

— Заходите скорее! На велосипеде приехали? У Чэнди щёчки покраснелись. Чжэюй ещё дрыхнет, как свинья. Позавтракали?

— Да, — Юй Чэнсун подтолкнул брата внутрь. — Тётушка, я не зайду. Пусть делает уроки у вас, можете закинуть его в комнату Чжэюя. Вечером заберу.

— Ладно, — нахмурилась она. — Если дома беспокойно, оставайтесь оба. Дядя может переночевать в гостиной.

— Что вы, не стоит, — улыбнулся Юй Чэнсун. — Я пойду, тётушка.

— Иди. Вечером приходи на ужин, я рёбрышки тушу.

— Хорошо.

Спускаясь по лестнице, он достал молочную карамельку. Развернул, положил в рот — приторная сладость растеклась по языку, но не заглушила поднимающееся раздражение.

В детстве, когда мать выгоняла из дома, он прибежал к Чжоу Чжэюю, нагло выпрашивал еду и ночлег. Теперь ему не нужно попрошайничать, зато Юй Чэнди идёт по его стопам.

Дома словно никогда не находилось места для них двоих. Будто они занимали восемьсот квадратных метров, и даже двадцатиметровая квартира не вмещала.

И всё из-за человека, умершего восемьсот лет назад, живые должны мучиться всю жизнь.

Какого хрена.

В первые выходные после переезда в Сиюань Инь Гу проснулся рано — внутренние часы, впечатанные в кости, каждое утро заводили его как механизм.

Невидимая нить тянулась за ним даже сюда, куда он сбежал на самолёте, опутывала, контролировала каждое движение.

Квартал старый — вчера вечером израсходовал весь бойлер, и утром только ледяная вода. Брызги в лицо — и мысли о нити испарились, осталась лишь бодрящая свежесть.

Стряхнув капли, поднял голову — в зеркале отражалось лицо без очков, под глазами тени.

То ли непривычная кровать, то ли воздух чужой — три ночи толком не спал.

Раздвинул шторы в спальне — солнце ворвалось потоком.

Комната словно потеплела.

Инь Гу не сразу привык к незнакомому виду.

С четвёртого этажа открывался широкий обзор — вдали учебный корпус старшей школы, прямо напротив флага. В окне третьего этажа забыли закрыть шторы — полощутся на ветру как танцовщицы.

Суббота. Школы нет.

Инь Гу вдруг растерялся — чем заняться? Раньше проводил выходные с друзьями, подрабатывал или сидел дома.

Но этот дом... непривычный пока.

Может, прогуляться?

Посмотреть, как эта провинциальная глушь взрастила такого непровинциального соседа по парте.

Он не сдержал смешок, потом удивился — а зачем сдерживать?

Открыл шкаф — несколько вещей висело как попало. Уезжал в спешке, толком не собрался, многое не взял.

По привычке достал чёрный спортивный костюм — такой же, как у Юй Чэнсуна. Хотел переодеться, вспомнил, что тот вчера был в тёмно-синем.

Убрал обратно, взял серую толстовку, чёрную свободную куртку, чёрные спортивные штаны — собрал комплект наугад.

Лучше не совпадать. Вдруг у соседа тоже вся одежда одинаковая — придётся ему тратиться на новую.

Подрасться, заработать, потратить на лекарства, снова подрасться...

Прислонился к шкафу, долго смеялся.

Видимо, из-за близости к школе сразу за кварталом начиналась улица забегаловок — если это можно назвать кварталом, без ворот, просто несколько похожих домов сгруппировались вместе.

По обеим сторонам магазинчики, антисанитария бросается в глаза и бьёт в нос, но на вкус неплохо — последние два дня питался здесь.

Когда в Риме — живи как римлянин. Вчера дядька, продающий баоцзы, сказал: "Грязь к грязи не липнет!"

Но сегодня Инь Гу решил пойти дальше.

В прошлый раз двинулся от школы прямо, у перекрёстков сворачивал налево — через пять поворотов встретил Юй Чэнсуна в "Молочном чае".

Сейчас направо.

В кармане завибрировал телефон.

Инь Гу нахмурился.

В это время, с этим особым сигналом — утреннее солнечное настроение рассыпалось мельче

яичной лапши в супе, что он ел вчера на завтрак.

Замер на повороте, достал телефон, развернулся.

Сообщение от отца — как всегда, лаконичное. Лишнее слово — милость для родного сына.

"Достаточно раскаялся?"

Достаточно? Инь Гу вдохнул прохладный утренний воздух. Даже не начинал — школьные будни оказались такими простыми и радостными, что забыл о раскаянии.

Он постучал пальцем по экрану и ответил:

"Нет".

Долгое молчание — видимо, не ожидал, что ссылка не только не напугала "хорошего мальчика", но сделала его ещё непослушнее.

Да, непослушнее — для родителей все его поступки и слова — внезапный бунт, а не нормальные решения восемнадцатилетнего человека.

В плохом настроении он обычно отключал мозг, чтобы быстро успокоиться, но ноги не останавливались — движение тоже помогало выпустить эмоции.

Шёл, уткнувшись в землю, не считая поворотов. Очнулся перед шумным рынком.

Без навеса, без помещений — просто ряды лотков под открытым небом, некоторые просто расстелили пленку на земле и разложили овощи.

В нескольких шагах торговали морепродуктами — погода ещё не слишком тёплая, запах терпимый.

Подумал и шагнул туда, куда раньше даже не взглянул бы.

Когда в Риме...

В квартире остался хозяйский холодильник — можно купить фруктов, витамины пополнить, арбуз охладить...

Остановился у фруктового прилавка, копался в яблоках, когда сзади окликнули:

— Инь Гу?

Почему-то от этого голоса напряжённые нервы вдруг расслабились, и он обернулся с улыбкой.

Юй Чэнсун собирался купить овощей к ужину у Чжоу Чжэюя — постоянно таскает туда младшего брата, тётушке всё равно, приходят с гостинцами или без, но ему неловко.

Расплатился, обернулся — знакомая спина. Хоть и видел всего два дня, и одежда другая, но ауру родственной души сразу узнал.

А почему окликнул? Ха, ничего не поделаешь — Сун-гэ славится общительностью.

На самом деле просто надоело одному болтаться — наконец кто-то подвернулся, можно поболтать.

— Хороший мальчик не готовится к урокам, а шляется по рынку с утра пораньше? — бросил он, направляясь к Инь Гу.

— Кто бы говорил, — усмехнулся тот. Юй Чэнсун заметил — очков нет.

— А где очки? — Достал из пакета помидор, кинул ему.

У людей с лисьими глазами вечно улыбающееся выражение. Инь Гу такой же — улыбка излучает неотразимую мягкость, смотрит с врождённой нежностью. Хотя эти глаза и на столб так смотрят, но человек под таким взглядом обычно теряет голову.

Без очков эффект пропал. Юй Чэнсун присмотрелся — вроде улыбается, но как-то двусмысленно. Короче, менее дружелюбно.

Так гораздо лучше.

— Не на уроках — не ношу, — Инь Гу поймал помидор, положил в пакет с яблоками, расплатился. — Спасибо.

— Брось благодарить. Если один помидор вызывает такую признательность — может, на колени встанешь? — хмыкнул Юй Чэнсун.

— Тогда лучше промолчу. — Инь Гу взял яблоки и повернулся к нему с улыбкой: — Завтракал?

— Вроде того, — встретил его взгляд Юй Чэнсун. — Но если угощаешь — могу повторить.

Инь Гу рассмеялся и достал яблоко:

— Выбирай место.

Юй Чэнсун подбросил яблоко, помолчал, и кивнул на хот-пот впереди:

— Пошли.

— Утром хот-пот? — спросил Инь Гу, уже шагая к ресторану.

— Именно с утра и надо есть хот-пот, — процедил Юй Чэнсун, по лицу скользнуло раздражение. — Клин клином, сбить пламя.

Инь Гу помедлил:

— И правда. Теперь тоже захотелось.

<http://bllate.org/book/13360/1187990>